

Главное для современных российских консерваторов — это следование одному из основных постулатов консервативного мировоззрения, суть которого заключается в том, что государство не может прочно стоять на фундаменте лишь материально-экономических интересов. Государство «строится духом и живёт в духе» (И. А. Ильин). Для возрождения и упрочения российской государственности необходима консолидация народа на базе некоторых фундаментальных духовных ценностей, которые не могут выдумываться или быть результатом рационального мышления, но которые следует искать в вековой истории народа, его психологическом складе, традициях.

Сорокопудова Ольга Евгеньевна

Кандидат политических наук, младший научный сотрудник
факультета политологии

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

«Справедливость» несправедливости как мировой закон в политической философии Ж. де Местра

Аннотация

В статье идет речь об онтологическом оправдании войны и несправедливости в мире французским консерватором-провиденциалистом Ж. де Местром.

Ключевые слова: французская революция, консерватизм, Ж. де Местр, война, несправедливость.

Жозеф де Местр (1753–1821) — французский мыслитель, политик, дипломат широко известен своими консервативными воззрениями. Сторонник теории провиденциализма, давший свою оригинальную оценку причин и значения Французской революции, де Местр разработал целую политическую философию.

Политическая консервативная теория де Местра имеет особое религиозно-мистическое наполнение и яростно противостоит либерально-рационалистическому наследию эпохи Просвещения. Именно поэтому де Местр получил в истории мысли самые различные оценки, от упреков в реакционности и клерикализме до провозглашения его отцом-основателем консерватизма наравне с Э. Берком.

Наиболее резонансными и неоднозначными в политическом наследии де Местра, безусловно, являются его рассуждения о необходимости и естественности «зла» в мире. За этот пункт его социально-политической системы он удостоился наибольшей критики, часть исследователей даже считают деметровскую теорию близкой фашизму, как например, Э. Нольте или И. Берлин¹.

¹ См.: *Нольте Э.* Фашизм в его эпохе. — Новосибирск, 2001. — 568 с.; *Берлин И.* Философия свободы. Европа. — М., 2001. — 448 с.

Вывод о необходимости и целесообразности страданий и несправедливости в мире де Местр делает на основе анализа, прежде всего, Французской революции 1789 г., которой он дает онтологическое обоснование. На страницах своих «Санкт-Петербургских вечеров» де Местр говорит о существовании великого закона «насильственного разрушения рода человеческого». «История доказывает, <...> что война в некотором смысле есть обычное состояние человечества; что кровь людская должна проливаться повсюду на земле»¹. Действительно, у де Местра есть весьма кровожадные рассуждения: «Земля, непрерывно орошаемая кровью, есть лишь громадный алтарь, где все живущее должно приноситься в жертву, — без передышки, без отдыха, без меры, вплоть до скончания веков, вплоть до смерти самой смерти»².

«Война божественна сама по себе, ибо представляет собою мировой закон»³, — считает де Местр. Мыслителя неоднократно обвиняли в апологизации войны и оправдании насилия, однако он подводит целую доказательную базу под такой свой вывод. Де Местр считает, что в самой природе нет справедливости, более того, несправедливость — мировой закон. Сама природа — возмутительный тиран, по его мнению. Животные поедают растения и друг друга, человек истребляет животных и себе подобных. Если бы сильный не убивал слабого, по мысли де Местра, погиб бы и сильный и слабый (в этом смысле мыслитель предвосхищает теорию Ч. Дарвина о происхождения видов, появившуюся в середине XIX в.). На основе анализа фактов из мира природы де Местр констатирует, что жизнь всего мира испокон веку поддерживается беспрестанным убийством — растительная, животная, человеческая.

И когда появляется человек — существо, превосходящее по силе и уму все другие виды, — необходим механизм сдерживания его, иначе человек бы просто все уничтожил. Де Местр заключает таким образом, что преступления, болезни, войны нужны для естественного ограничения человечества. Там, где кончается истребление слабых пород более сильными, начинается война⁴, то есть война и несправедливость — это обычное состояние людей. Де Местр предвидит возможные возражения и приводит пример из обыденной жизни: даже в мирное время, в любом обществе есть палачи — это выражение правосудия. Само преступление существует для поддержания этого мирового закона несправедливости, просто к этому все привыкли и не замечают в этом проявления закона.

Когда же гибнут безвинные, они искупают общечеловеческое предназначение, чужой и одновременно общий первородный грех. Это так же естественно, как гордится своей принадлежностью к знатному роду, перенося заслуги предков на себя. Де Местр приводит еще более яркий пример наказания безвинного — распятие Иисуса Христа за грехи людей.

¹ *Местр Ж.* Рассуждения о Франции. — М., 1997. — С. 42.

² *Местр Ж.* Санкт-Петербургские вечера. — СПб, 1998. — С. 373.

³ *Местр Ж.* Санкт-Петербургские вечера. — СПб, 1998. — С. 374.

⁴ *Фаге Э.* Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века. — М., 2009. — С. 21.

Де Местр идет дальше и находит первопричины такого положения вещей в самой природе человека. В противовес просвещенческим идеям о человеческой разумности и природном стремлении к счастью де Местр считает, что «желание принести себя в жертву, пострадать, преклониться перед властью и, разумеется, перед высшей силой <...> исторически так же могущественны, как и жажда покоя, процветания, свободы, справедливости, счастья, равенства»¹.

Причем интересно, что идея необходимости страдания и смерти в мире у де Местра легко сочетается с его идеей о Божественном Предопределении. Теодицея де Местра проста: сам Бог не создавал зла на земле, просто мы не обладаем абсолютным знанием. Бог несправедлив во времени и справедлив в вечности. Как врач, который ампутирует ногу, чтобы спасти весь организм человека.

Де Местр, безусловно, обладал даром слова, любил парадоксы и разные сравнения: «Род человеческий можно уподобить дереву, которое невидимая рука неустанно подстригает и которое часто от этого выигрывает. Правда, если затронут ствол или если срезана верхушка ивы, то дерево может погибнуть: но кому ведомы пределы для дерева человеческого?»².

Таким образом, осмысление частного примера революционного «зла» во Франции привело де Местра к обобщающим умозаключениям об устройстве мира в целом, достаточно спорным, однако оригинальным и небезынтересным. Де Местр не ограничивался политической реакцией на революционные события, он стремился подкрепить свою мысль прочным метафизическим фундаментом — возвращением в политику иррационального. Это явилось закономерной реакцией на рационализацию общественной жизни философскими концепциями XVIII в. Вместо идеалов прогресса, свободы и способности человека к совершенствованию он проповедовал спасение при помощи веры и традиций³. Эти иррациональные основания де Местр считал единственно прочными, поскольку в жизни человека и в политике уцелеть от разъедающей критики разума может уцелеть только то, что защищено внутренней тайной и необъяснимостью.

Библиография

1. Берлин И. Философия свободы. Европа. — М., 2001.
2. Местр Ж. де Санкт-Петербургские вечера. — СПб, 1998.
3. Местр Ж. де Рассуждения о Франции. — М., 1997.
4. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. — Новосибирск, 2001.
5. Фаге Э. Политические мыслители и моралисты первой трети XIX века. — М., 2009.

¹ Берлин И. Философия свободы. Европа. — М., 2001. — С. 290.

² Местр Ж. де Рассуждения о Франции. — М., 1997. — С. 48.

³ Берлин И. Философия свободы. Европа. — М., 2001. — С. 225.